

Круглый стол по проблемам ленинградского искусства в галерее «АРКА» с участием Евгении Логвиновой, директора и владельца галереи, члена Творческого Союза Художников России и Ассоциации историков искусства и художественных критиков (АИС), Сергея Иванова, историка искусства и коллекционера, члена АИС, Николая Кононихина, историка искусства и коллекционера, члена АИС

*2 марта 2013 года*

**Евгения Логвинова:** Мне всегда приятно видеть вас в галерее «АРКА», а начать наш разговор хочу с вопроса о развёрнутой у нас выставке. Каковы Ваши впечатления?

**Николай Кононихин:** Выставка небольшая, но подобрана с большой любовью, работы очень высокого качества. Большинство из них я увидел впервые. Особый интерес вызвали работы Виталия Тюленева, Евгении Антиповой, Всеволода Баженова, Алексея Еремина (поскольку эти художники есть в моей коллекции). Но не только. Очень понравились работы Г.Котьянца, яркие, декоративные, авангардные по пластике. Очень хороший художник! И выставка хорошая.

**Сергей Иванов:** Впечатления неожиданные. У маленькой выставки, оказывается, есть большие преимущества. Редкая возможность побыть с картиной наедине, как с близким человеком. И нужно для этого совсем немного: чтобы у работы, независимо от её жанра и размера, хотелось остановиться. Вернуться и не уходить. Обладать ею. Или хотя бы сохранить в памяти. На больших выставках такой личный, интимный диалог с искусством возникает редко. Там много «посторонних шумов», случайных работ. Это отвлекает. А здесь всё иначе. Высокий уровень живописи. Порой возникает ощущение, будто невидимой кистью художник на твоих глазах кладёт изумительной красоты мазки. Тот же Овчинников, Тимков, Баженов. Восхитителен Котьянец. Потом здесь есть интрига, загадка. Хочется ещё такой живописи, нет разочарования, нет опустошенности, которыми часто заканчивается посещение современных выставок. Замысел ли был Ваш таков, или стечение обстоятельств, но мне это очень понравилось. А как Вам самой, Евгения, видится эта выставка и её художники? И в контексте предыдущего опыта, и в реалиях сегодняшнего существования галереи и в Ваших планах?

**Евгения Логвинова:** Не могу не отметить тенденции последних лет, свидетельствующих о росте интереса зрителей к ленинградской школе живописи. Думаю, поэтому работа с наследием этих художников становится одним из главных направлений работы галереи. Это подтверждается и повышенным интересом петербуржцев к выставке. Такое ощущение, что народ устал от зрелищ и затосковал по чему-то настоящему, честно сделанному. В этих пейзажах и натюрмортах многие смогли найти для себя что-то родное, душевное.

**Сергей Иванов:** А имена? Если отталкиваться от этой выставки, кого из представленных художников лично Вам бы хотелось показать шире?

**Евгения Логвинова:** Это будет субъективный ответ. В своей галерее я бы с удовольствием экспонировала Котьянца и Осипова!

**Евгения Логвинова:** Это правда, что в последнее время значительно возрос интерес публики к наследию художников, большую часть жизни трудившихся в Советскую эпоху? Связано ли это с тем, что оно уже постепенно переходит в разряд антиквариата?

**Сергей Иванов:** Да, это так, хотя он никуда и не пропадал. Ведь все мы вышли из СССР. Своё собственное прошлое, прошлое своей семьи мы воспринимаем как органичную часть себя и не собираемся от него отказываться лишь потому, что там было что-то плохо или тяжело. Связано ли это с переходом советского искусства в разряд антиквариата – наверное, и это играет свою роль. Но это не главное, и даже не второстепенное. Главное – это преодоление пустоты, пропасти в нашем культурном сознании, ощущение которой усиленно культивировалось после распада СССР. Кстати, обратите внимание – сегодня на Западе очень высок интерес не к антиквариату, а к произведениям именно современного искусства, в том числе созданным в последние пятьдесят лет.

**Николай Кононихин:** Частично, да. Законы рынка никто не отменял, и статус антиквариата, которое приобретает произведение искусства, неизбежно отражается на его ценообразовании. Но причина интереса не только в этом. Главное, мне кажется - качество и индивидуальность (а часто - уникальность) произведений искусства советского периода. Конечно, не всех художников этого периода и не всех произведений даже "топовых" имен, вошедших в обиход аукционов. Я говорю о лучших работах лучших художников. Их достаточно много было создано именно в советский период, когда практически любой художник со статусом "член Союза художников" (а это тысячи художников только в ЛОСХе) имели возможность, делая несколько заказных работ в год, полностью посвятить себя творчеству. И посвящали, часто до самоотречения и чуть ли не фанатизма (в хорошем смысле этого слова). Если учесть, что арт-рынка в советское время практически не было, то становится понятно, как это получилось, что к началу перестройки все мастерские этих тысяч художников были переполнены картинами. Часто очень хорошими, а иногда - исключительными произведениями искусства, которыми могли бы гордиться Русский музей и Третьяковская галерея. После советского периода таких хороших условий у наших художников уже не было (и, похоже, уже не будет), поэтому, неизбежно, количество и качество работ заметно снизилось. Увлечение актуальным искусством (часто политизированным и искусственно раздутым) еще больше ухудшило ситуацию. Это в целом. Но и тут нужно смотреть конкретно. Например, Виталий Тюленев, ставший известным художником в 70-80-е годы 20 века, создал огромный цикл блестящих работ уже в новой России 1990-х годов. Владимир Жуков написал большую часть своих абстрактных "икон" и "ликов" тоже в 1990-е и 2000-е годы. Так что не всегда нужно связывать успешность художника (в том числе, коммерческую) со статусом "антиквариат" и "соцреализм". Качество и оригинальность (а еще лучше - уникальность произведений) - вот что главное.

**Евгения Логвинова:** Так, может быть, срабатывает тот фактор, что большинство художников уже ушли из жизни, а это всегда вызывает у людей ощущение, что, раз больше ничего не будет создано, то, следовательно, надо купить произведения, вложить деньги в «нетленное»?

**Сергей Иванов:** Конечно, психология покупателя важна для выбора. Она увязывает творческое наследие ушедшего мастера с безусловным его признанием, не требующим дополнительных доказательств. Хотя бы потому, что работы показывает или продаёт не сам автор, а третьи лица. В то же время для большинства покупателей (да и многих продавцов) совершенно неведомо, насколько плодovit был художник и сколько его работ может появиться на рынке. Всё-таки дело, мне кажется, в другом. Мы стали жить лучше. У нас появилась политическая стабильность. Мы уже не смотрим с тоскливой завистью на заграницу. Многие хорошо представляем и розовых очков давно не носим. Мы знаем, как устроен западный рынок

искусства, а также, несмотря на длительную дрессуру, не разучились отличать подлинное искусство и подлинное творчество от имитации. Мы всё чаще в процессе сравнения и сопоставления обращаемся к своим традициям и своей шкале ценностей. И здесь искусство советского периода значит для нас гораздо больше на исторических весах, чем её нынешний денежный эквивалент. Где-то здесь лежат и причины интереса, о котором Вы спрашиваете, и предпосылки грядущего взрывного роста цен на отечественное искусство середины-второй половины XX века.

**Николай Кононихин:** Этот вопрос заставил задуматься и обратиться к расчетам. За последнее время я приобрел 14 работ, из которых 9 работ живых художников, а 5 - уже ушедших. Статистика показывает 64% против 36% в пользу живых. Почему я вообще начал эти расчеты? Потому что при покупке картин вопрос "Жив художник или нет?" никогда не возникает в голове. Голова занята конкретными работами, их достоинствами и недостатками, что они добавят к уже имеющимся работам, к коллекции. Выбор работ на рынке пока достаточно широк, часто это первоклассные работы! Всегда выбирайте сердцем! А не по годам жизни художника.

**Евгения Логвинова:** Кто, по вашему мнению, самый значительный художник, представляющий «ленинградскую школу»?

**Николай Кононихин:** Не уверен, что найдется коллекционер или галерист, который сможет назвать только одного "любимого" художника. Лично я очень ценю и люблю работы Валерия Ватенина, Виталия Тюленева, Виктора Тетерина, Евгении Антиповой, Ивана Годлевского, Ростислава Вовкушевского, Сергея Осипова, то есть художников «левого» крыла ЛОСХ. Все они внесли свою лепту и сформировали "лицо" послевоенного искусства Ленинграда и современного арт-рынка тоже, кстати! Но не только. В числе любимых - "левые" Павел Кондратьев, Владимир Волков, Владимир Жуков (последний - особенно). Из андеграунда - Владимир Шагин. Все они "значительные художники".

**Сергей Иванов:** Одного - двух таких художников нет и быть не может. Ленинградская школа живописи – это не группа со своим вожаком, не кружок по интересам. Это очень масштабное явление, продолжительное во времени, включающее в себя разные этапы и поколения художников. И на каждом этапе у каждого поколения были свои вершины и авторитеты. Они были и в судьбе каждого мастера. Кроме того, времена меняют наши представления об искусстве и мастерах советской эпохи. Не всё и не все выдерживают это испытание. А кто-то, напротив, становится для нас гораздо более значительным, вырастая до масштаба едва ли не знаковой фигуры. Применительно к периоду 1950-1970-х годов я выделяю для себя таких художников, как Евсей Моисеенко, Сергей Осипов, Николай Тимков, Владимир Овчинников, Николай Позднеев, Лев Русов, Глеб Савинов, Ольга Богаевская, Майя Копытцева, Виктор Тетерин, Борис Корнеев, Вячеслав Загонек.. Это были творцы в искусстве, равные по силе дарования и мощи живописного языка лучшим представителям предыдущих поколений русской школы. Они сумели в творчестве передать ощущение эпохи и лучших качеств своих современников. Конечно же, этот перечень можно продолжать. Как, например, обойтись при упоминании ленинградской школы без Александра Самохвалова? Без Юрия Непринцева, Владимира Токарева, Андрея Мыльников, Юрия Тулина, Иосифа Серебряного, Виталия Тюленева, Бориса Шаманова, Валерия Ватенина? И потом не будем забывать, что в живописи существуют разные жанры.

**Евгения Логвинова:** Какую роль сыграла, по вашему мнению, деятельность «группы 11-ти» для ленинградской школы в целом? Действительно ли творчество художников, входивших в

неё, стало поворотным пунктом для развития ленинградской школы и в известной степени определило многие её тенденции?

**Николай Кононихин:** На этот вопрос пытаются уже не одно десятилетие ответить очень уважаемые люди, прежде всего Л.В.Мочалов, "идеолог" группы, он был с ними рядом. Его главный тезис: никакой "группы", объединенной некой программой или лидером (как, например, Стерлиговцы, Кондратьевцы, Арефьевцы) не было. И я с этим согласен. Были абсолютно самостоятельные, яркие (но не похожие друг на друга) художники, которых объединила "молодость, время хрущевской оттепели и протест против соцреализма" (цитирую сам себя образца 1998 года). Важно учесть еще две вещи. Во-первых, наличие "старших" товарищей Виктора Тетерина и Евгении Атиповой - учеников Александра Осмеркина, который привнес на ленинградскую почву пластику и цвет "Бубнового валета". Справедливости ради замечу, что "молодые" одиннадцать как минимум 2 раза в год видели работы Ольги Богаевской, Александра Савинова, Елены Скуинь, Сергея Осипова, Ивана Годлевского (большого человека в ЛОСХ), которые тоже были осмеркинцами и тоже работали под Сезанна и Бубнового валета. Это к тому, что роль Атиповой и Тетерина в становлении "одиннадцати" нельзя приуменьшать, но нельзя и преувеличивать. Если уж и говорить о влиянии на "ленинградскую школу живописи", то нужно говорить о влиянии Осмеркина и «Бубнового валета» (Тетерин, кстати, ездил к П.Кончаловскому, общался с ним, пользовался его советами).

Во-вторых, важность "группировки" художников для продвижения в массовом сознании, причем не только зрителей, сколько масс-медиа и профессиональных сообществ: искусствоведов, музейных работников, галеристов, коллекционеров. Поэтому выставка группы "одиннадцати" в 1972 году была, как сейчас сказали бы, блестящим пиар-ходом. Это был своеобразный ответ десанту в ЛОСХ в 1962 году московской "восьмерки" (Н. Андронов, П. Никонов, М. Никонов, М. Иванов, В. Вайсберг, Б. Биргер, К. Мордвинов, Н. Егоршина). Именно эта выставка дала первый импульс для трех друзей З. Аршакуни, В. Ватенина, Г. Егошина - группироваться и выходить вместе на выставку. Пиар-акция удалась, и нам сейчас проще жить и ориентироваться в искусстве Ленинграда. Те, кто не вошел в 11-ть, не сгруппировался вокруг лидеров, сильно усложнили и удлиннили себе путь к общественному признанию. Это, естественно, нисколько не умаляет значения. Ну как-то так...

**Сергей Иванов:** За долгую историю ленинградской живописи не раз предпринимались попытки превознесения какого-то явления, противопоставления его творческим поискам остальных мастеров, и даже начала отсчёта новой эры в искусстве. Сейчас с исторической дистанции это выглядит наивно, хотя страсти порой закипали не шуточные. В прошлом году одна известная петербургская галерея отметила сорокалетие выставки 1972 года на Охте. В ретроспективной экспозиции были представлены работы всех одиннадцати её участников, объединившихся в таком составе тогда единственный раз в жизни. Кто-то вместе учился, кто-то с кем-то дружил, кто-то был знаком по союзным выставкам. Сегодня большинства из них уже нет в живых. Было интересно и порой трогательно встретить знакомые полотна или работы, известные тебе только по репродукциям. Это было поучительно. Но от выставки в целом у меня осталось стойкое впечатление вчерашнего дня. Возможно, недоставало лучших работ этих, безусловно, талантливых художников. Нужно заметить, что уже к выставке 1972 года её участники подошли сложившимися мастерами с чётко понимаемыми задачами. Круг их творческого и личного общения был несравненно шире, десятилетиями они участвовали в ленинградских и московских выставках, имели близких друзей и «справа», и в «центре». Они никогда не представляли какой-то «группы» или объединения. Поэтому предпочитаю говорить о них как о представителях «левого крыла» ЛОСХ. В большинстве своём их поиски сводились к формальным задачам, к преодолению известных трудностей и ограничений творческого характера, с которыми сталкивается каждый думающий художник. Я бы сказал, что творчество

В. Тетерина, В. Ватенина, Г. Егошина, Е. Антиповой, В. Тюленева и ряда других представителей «левого крыла» ЛОСХ отражало одну из тенденций в развитии ленинградской живописи 1960-1970-х. Из участников той выставки сегодня я выделяю для себя Бориса Шаманова. Он меня волнует, его язык, мир его образов притягателен и не банален.

**Евгения Логвинова:** А кто из классиков, по вашему мнению, оказал сильное влияние на формирование «ленинградской школы»?

**Николай Кононихин:** Трудно говорить за всю «ленинградскую школу». На левое крыло ЛОСХ, как я уже говорил, оказали влияние художники "Бубнового валета" (прежде всего Александр Осмеркин и Петр Кончаловский). Это в целом. Нельзя также не отметить влияние западного модернизма (французы на третьем этаже Эрмитажа стали доступны зрителям, по моему, с 1960-х годов): импрессионистов, Сезанна, Матисса и Пикассо. Если брать более узкие группировки, то это влияние художников русского авангарда: Малевича, Филонова, Матюшина. Не уверен, что можно говорить об одном каком-то влиянии на всех художников сразу.

**Сергей Иванов:** Если говорить о советских классиках, то это были К. Петров-Водкин, И. Бродский, А. Осмеркин, Д. Кардовский, Б. Иогансон, А. Савинов, А. Рылов, Р. Френц, преподававшие в Академии. Каждый имел не только своих учеников, но и последователей из числа молодых художников. Молодёжь не пропускала выставок современных ленинградских художников разных направлений и стилей. А богатейшие собрания ленинградских музеев позволяли знакомиться с лучшими образцами русской и западноевропейской живописи 19 – начала 20 веков. В 1950-1970-е годы круг влияния расширился за счёт знакомства с современным зарубежным искусством и повторным открытием русского авангарда начала века. Потом надо иметь в виду, что художник испытывает разные влияния не только в годы учёбы, но и протяжении всей жизни. Он нуждается в творческом общении с другими мастерами и среда, существовавшая в Ленинграде, наилучшим образом этому благоприятствовала. Было из чего выбирать, с чем сравнивать, у кого учиться.

**Евгения Логвинова:** Вы уже называли некоторые имена, в частности, Бориса Шаманова, Виталия Тюленева. Кого ещё хотели бы отметить? Чьи работы хотели бы иметь? И что изменилось за последние годы в ваших личных предпочтениях?

**Сергей Иванов:** Мои интересы и предпочтения в целом остались прежними - это может быть любая по-настоящему хорошая живопись 1950-1980-х в исполнении ленинградских художников. Как и прежде, равнодушен к работам Осипова, Русова, Тимкова, Владимира Овчинникова. Но произведения высокого уровня встречаются всё реже. Владельцы неохотно расстаются с хорошими работами этих авторов, и рынок пока этому не способствует. Пожалуй, в качестве сравнительно нового для себя могу назвать возникший интерес к акварели 1950-1970-х годов. Много сильных работ было на рубеже 1980-90-х вывезено из страны. Их возвращение было бы интересным. Но это дело времени, пока здесь существуют технические сложности.

**Николай Кононихин:** Предпочтения не изменились.

**Евгения Логвинова:** Что вы думаете о петербургских галереях и состоянии рынка советской живописи? Нет ли ощущения, что галерейная работа с этим искусством всё больше

перемещается в виртуальное пространство Интернета, так и не успев по-настоящему развернуться в реальном пространстве города?

**Сергей Иванов:** Такое ощущение есть повсеместно, не только в Петербурге и России. Но у нас ещё и большой дефицит в традиционных участниках художественного рынка. Мало серьёзных галерей, профессиональных независимых оценщиков, консультантов, практически отсутствует аукционная торговля. Кто же будет переносить эти услуги в виртуальное пространство? Поэтому будут параллельно развиваться оба направления. У нас низка степень доверия в этой сфере. А как, скажите, без доверия и надёжной репутации может развиваться торговля искусством, тем более заочная?

**Николай Кононихин:** Интернет оказывает большое влияние на рынок искусства. Он упрощает коммуникации и делает информацию о художниках и «картинах» доступными для всех, кого это интересует. Это хорошо, так как это работает на пропаганду и продвижение искусства в широкие массы. Без этого рынка быть не может. Наверное, это потребует некой переориентации галерейной работы с экспозиционно-выставочной на экспертно-сервисную. Галереи должны стать профессиональными и специализированными.

**Евгения Логвинова:** Не могли бы вы также прокомментировать цены на это искусство. Это всегда интересно.

**Николай Кононихин:** Говорить, что цены высокие или низкие бессмысленно, нужно смотреть их динамику. Цены на то искусство, о котором мы говорим, растут. Моя статистика показывает, что за 15-17 лет цены выросли в 20-40 раз в долларовом эквиваленте (а в рублевом в 100-200 раз с учетом дефолта 1998 г.). Это хорошо, так как реально защищает инвестиции коллекционеров и арт-институций. Это основа рынка. Еще более важно для рынка, что появилось понимание «цены», то есть на рынке реально складывается (процесс пока не завершен) общее понимание участников, сколько стоят те или иные художники и даже конкретные работы. Купить первоклассную работу в 2-3 раза дешевле рынка уже практически невозможно (15 лет назад цену назначал покупатель, исходя из наличия денег в кармане и своего понимания «справедливой» цены).

**Сергей Иванов:** Цены на хорошую живопись «ленинградской школы» имеют большой потенциал для роста в ближайшей перспективе. Зависит это от политической стабильности и изменения политики государства в сфере культуры. Это повлечёт за собой переориентацию и финансовых потоков. Речь идёт как о бюджетных средствах, так и о частных инвестициях. Если обойдёмся без потрясений, хорошая советская живопись 1950-70-х годов к 2020 году будет стоить десятки тыс. долларов, а лучшие и наиболее известные работы – сотни тыс. и миллионы. То, что сегодня является исключением даже для Москвы и скрыто завесой частных продаж, станет обычной практикой. Но это всё же из области прогнозов. А как это видится из опыта одной из старейших петербургских галерей?

**Евгения Логвинова:** По-моему мнению, нет чёткого механизма ценообразования в сфере изобразительного искусства. Это слишком связано с эмоциональной сферой человека. Я всегда гибко подхожу к этим вопросам и внимательно смотрю, кто покупает и зачем. Считаю, что буду права, если отдам подешевле небогатому клиенту, если я понимаю, что он полюбил картину. И здесь мне всё-равно: антиквариат это или нет! И это не демпинг, потому что я не вижу неоспоримых критериев оценки искусства, а это своеобразный человеческий подход. Т.О. сегодняшние цены мне видятся в каждом персональном случае разными!

**Сергей Иванов:** Спасибо, Евгения, что Вы об этом заговорили и что Вы возвращаете в наш разговор об искусстве человека, даже когда речь идёт о таких казалось бы приземлённых вещах, как цены. Это напомнило мне слова художника Кима Славина о другом ленинградском живописце Льве Руссове и героях его портретов, наших современниках, наделенных разнообразными качествами, главными из которых являлись таинственная духовность и презрение к универсальному меркантилизму как к конечной цели человечества.

**Евгения Логвинова:** Тогда хочу спросить о книге «Неизвестный соцреализм. Ленинградская школа», вышедшей ещё в 2007 году, и к которой вы оба так или иначе причастны. Продолжение будет? Как спустя пять лет вы оцениваете этот труд?

**Сергей Иванов:** Книга была подготовлена усилиями коллекционеров. Это хороший пример того, как частная инициатива способна восполнять пробелы и в такой области. Поверьте, не будь потребности в такой книге, она бы долго ещё не появилась. За прошедшие пять лет в отношении к «ленинградской школе» многое изменилось, в том числе и благодаря книге. Появились статьи, диссертации и книги, посвящённые отдельным вопросам истории и художественного наследия «ленинградской школы». И не только в России, поскольку книга издана на двух языках и есть в библиотеках большинства ведущих университетов и музеев мира. «Ленинградская школа живописи» включена самостоятельной темой в программу вступительных экзаменов в аспирантуру на истфаке Санкт-Петербургского государственного университета по специальности «Теория и история искусств». Очевидно, на каком-то этапе книга хорошо выполнила свою задачу, и повторять её не было смысла. А чтобы двигаться дальше, необходимо обобщение материала и осмысление опыта. Каким будет следующий значительный шаг в изучении этого явления и кто его сделает - надеюсь, скоро узнаем. Могу только сказать, что в эту первую книгу вошло лишь около 25% накопленного к тому времени материала. И мне было бы интересным продолжить эту работу с Вами и Вашей галереей.

**Николай Кононихин:** Объективно, это большой труд. Такие издания не могут появляться часто. Но это и пример другим, что нужно делать. В 1998 году мы выпустили CD-ROM «Живопись Ленинграда - Санкт-Петербурга: 1948-1998», который имел малый тираж и давно стал библиографической редкостью. Наверное, пришло время выпустить традиционный альбом по материалам этого диска.

**Евгения Логвинова:** Что вы думаете о наших замечательных ведущих музеях: Русском, Эрмитаже. Кажется, они не проявляют заметного интереса к этому кругу художников. Это политика?

**Сергей Иванов:** Да, мне тоже так кажется. Но что стоит за этой политикой? И каковы её последствия? Нужно понимать, как формировались музейные фонды советского искусства 30-50 лет назад и как они формировались в последнюю четверть века. Состояние фондов и закупочная политика во многом определяют выставочную и экспозиционную политику музеев и состояние умов музейных работников. К этому надо серьёзно присмотреться.

**Николай Кононихин:** Старые институции политизированы и закорячены, они не способны к изменениям. Пусть делают то, что делают. И на том спасибо. Мне более симпатичен тренд на создание новых музеев (мы знаем в Питере уже несколько примеров таких музеев и галерей, имеющих свои мощные коллекции и делающие их публичными). Что касается коллекционеров, давно назрела необходимость создания Музея Частных Коллекций, способного вместить огромный и часто первоклассный и уникальный материал, который просто обязан стать доступным широкому зрителю. Это я говорю уже в адрес городских властей и питерских

управляющих. Коллекционеры к этому готовы, более того, есть конкретные энтузиасты, готовые взяться за это дело.

**Евгения Логвинова:** Если бы у вас была такая возможность, что бы вы посоветовали или о чём бы попросили нашего Президента? Имея в виду политику в отношении культуры и художественного наследия?

**Николай Кононихин:** Музей Частных Коллекций.

**Сергей Иванов:** Выполнять предвыборные обещания. Нацелить механизмы исполнительной и законодательной власти на безусловное выполнение задач, поставленных в выступлениях и заявлениях Президента последнего времени.

**Евгения Логвинова:** А какие конкретно Вы заявления Президента имеете ввиду? Кажется, его мало интересуют вопросы культуры?

**Евгения Логвинова:** Слушая внимательно ваши ответы, не могу, тем не менее, не спросить: а зачем вам всё это нужно?

**Сергей Иванов:** Пока не задавал себе этого вопроса. Мне это интересно. Это меня увлекает, наполняет жизнь. Наверное, это доступный мне способ самореализации как личности, как члена общества.

**Николай Кононихин:** Мне интересно этим заниматься. Отделять зерна от плевел и показывать людям, что действительно прекрасно. В эпоху масс-медиа место искусства заняла реклама, а место арт-критиков и искусствоведов (защитников и агентов прекрасного) – папарацци. Духовные ценности размыты, эстетика деформирована (это тема отдельного разговора). Остается коллекционер, который от слов переходит к делу и «голосует» своими личными деньгами – это всегда производит сильное впечатление на людей. А группа коллекционеров – уже реальная сила. А Музей Частных Коллекций – «духовные скрепы» общества.

**Евгения Логвинова:** Тогда задам последний и главный вопрос: чего вам в жизни не хватает сегодня?

**Николай Кононихин:** Единомышленников и партнеров для создания Музея Частных Коллекций.

**Сергей Иванов:** Времени.